

СНЕГ

Город шумел. Вокруг раздавались звуки, которые можно услышать только перед самым рассветом.

Открывались магазины. Сонные водители автобусов, светящимся потоком выползавших из депо, сигналили всем подряд: друг другу, прохожим, торопливо шедшим на работу мимо ворот депо, зазевавшимся водителям, которые норовили проскочить побыстрее и ехали, как попало.

Город просыпался. Пробирая до костей, дул холодный ветер. Хэтч знал, что зима будет без снега. Такая же, как и все зимы до нее. Снега здесь просто не бывает. Будет мороз, земля затвердеет, как камень, но ни единой снежинки не упадет с неба.

Он скучал по снегу. Здесь его не хватало, а без снега зимой становится тоскливо. Хэтч не интересовался у других, как они переносят это время года, которое длится дольше, чем остальные три вместе взятые. Но на самого Хэтча зима действовала плохо. Он впадал в тоску. Чтобы заставить себя работать, он превращался в машину. Иначе избежать депрессии было просто невозможно.

Тем временем он вошел в здание полицейской службы. Сняв свое тяжелое, но весьма крепкое и надежное пальто, он огляделся в кабинете.

Кружка с холодным кофе простояла на столе всю ночь. Вчера после выезда его вызвали в особое управление. А кофе он не допил.

Чашка с остывшим напитком, если не считать телефона, была единственным предметом на столе, который остался после того, как Хэтч сделал уборку.

Вообще, фраза «Хэтч делает уборку» прокатилась по службе мгновенно. Все, кто был свободен, сочли нужным под разными предлогами пройти мимо кабинета и заглянуть внутрь. Ибо Хэтч делал уборку впервые за всё время работы в службе. Его стол, напоминавший всё, что угодно, кроме рабочего места, давно стал притчей во языцех. На нем, разве что, не водилась живность. Иначе этот стол можно было бы с легкостью назвать макетом естественной среды обитания флоры и фауны какого-нибудь отдаленного региона.

Хэтч стоял посреди кабинета и тупо глядел по сторонам. Единственное, что он помнил — странное состояние, в которое он впал после выезда. Видимо, в этом состоянии он и наводил марафет на рабочем месте.

Он вернулся на работу, зашел в кабинет. Следующее, что отложилось в его памяти — чашка кофе на столе, звонок и этаж особого управления...

На выезд пришлось ехать одному — по причине позднего времени суток, большинство сотрудников разбежались по домам. Хэтч засиделся у себя, тупо глядя в какие-то бумаги. Кроме него в службе остались лишь секретарши, отчаянно набивавшие документы, которые накопились за день. Хэтчу было безмерно жаль этих сотрудниц, которые весь день не видят ничего, кроме буковок на белом листе бумаги.

Он встал, потянулся, надел шляпу и пальто и, вздохнув, отправился по вызову.

Место, куда ему предстояло поехать, он знал плохо, хотя отчетливо представлял, в каком районе города оно находится. Как всегда, автобусы разом пропали. Ждать пришлось довольно долго.

В свете уличных фонарей возвышалось здание старинной гостиницы, построенной из бурого кирпича. Конечно, Хэтч понимал, что в ее строительстве

использовали обычный красный кирпич. Но со временем у земли по швам потянулся зеленоватый мох, а сам кирпич потемнел, и теперь каждый, проходя мимо, отмечал про себя: «Гостиница из бурого кирпича».

Гостиницей это здание перестало быть уже давно. Кто-то когда-то выкупил его в частную собственность, потом кто-то перекупил, затем оно досталось кому-то по наследству, а потом то же самое произошло по второму кругу. Теперь дом сдавался жильцам на длительные сроки и напоминал, скорее, общежитие.

Хэтч постучал в тяжелую дверь. Шагов за ней он, понятное дело, не услышал — ковер, наверное, был мягким, а прочная дверь начисто заглушала большинство звуков.

Открыла дверь девушка в пушистом розовом халате и черных колготках. Именно так Хэтч увидел ее в самый первый момент. Деталей его сознание не зафиксировало.

— Я по вызову, — сказал он. — Что случилось?

— Олли, — ответила девушка.

— Что, простите? — спросил он.

— Меня зовут Олли, — уточнила она. В ее голосе чувствовались замешательство и раздражение.

— Хэтч, — сказал Хэтч, спохватившись. — Первый дознаватель. Можно войти?

— Да, пожалуйста, — Олли картинно чуть отступила на шаг, пропуская дознавателя в коридор. Как будто он пришел на высокий прием.

— Так что, вы говорите, у вас произошло?

— Эти, — она сделала жест рукой, значения которого Хэтч не понял, — появились... я не знаю, откуда они появились. Наверное, с крыши.

— Почему вы решили, что с крыши?

— Может, не с крыши, а с верхних этажей. Мне позвонил кто-то из жильцов и сказал, что на лестнице шум. Спать мешают.

— Что было потом?

— Потом я вышла на лестницу, прислушалась и услышала топот.

— Кто топал? — спросил Хэтч. При этом он подумал: «Бытовуха какая-то. Жильцы, топот...»

— Эти, — шепотом ответила Олли, явно побаиваясь спугнуть «этих». — Прыгуны.

— Что за прыгуны? — удивился дознаватель.

— Я не знаю, — голос начинал срывать. — В сиреневых спортивных костюмах и черных масках.

Хэтч задумался. «Бред какой-то, — размышлял он. — Сюр. Куда катится эта планета?»

— Интересно, — сказал он, наконец. — Украл что-нибудь? Никто не пострадал?

— Нет! — почти крикнула Олли.

Хэтч понял, что прыжками по лестнице история не заканчивается.

— В каком направлении они скрылись, вы успели заметить?

— Никуда они не скрылись! Стоят во дворе и молчат! — зло сказала хозяйка.

— Любопытно. Покажите.

Олли провела его по ярко освещенному коридору, который упирался в дверь. Судя по всему, это был выход на задний двор.

В двери имелось небольшое смотровое окошко. Хозяйка открыла его правой рукой, левой деловито уперлась себе в талию и сказала:

— Вот, полюбуйте!

Хэтч подошел к двери и заглянул в окошко.

Двор представлял собой кусок вытоптанной земли, обнесенный двухметровым забором. Там и сям среди голой земли росли черные деревья без листьев. Вся эта красота освещалась одним, но весьма ярким голубоватым фонарем, укрепленным на заборе прямо напротив двери.

Половину двора занимала толпа в сиреневых костюмах, которые действительно походили на спортивные, но были сделаны не из синтетики, как обычно, а из какой-то натуральной ткани.

То и дело кто-то в толпе подпрыгивал на метр вверх. Впрочем, этим признаками жизни толпы ограничивались.

«Куда катится эта планета? — снова подумал Хэтч. — Пора бы обратно, домой. Пусть через другие планеты, но домой. Хватит».

— Попробую узнать, что им надо, — сказал он и потянул дверь на себя...

— Всем стоять на месте! — громко выговорил Хэтч, хотя все и так стояли. — Кто вы такие и что вам нужно?

Толпа ответила молчанием. Лишь двое выпрыгнули вверх, потом еще один, и еще.

Тут Хэтч заметил, что в масках нет прорезей для глаз и рта, как это обычно делают военные или гангстеры. Он начал лихорадочно прикидывать, с чем же ему пришлось столкнуться и как быть дальше. Тут из толпы выделился один из «сиреневых», снял маску и превратился в огромное и неприятное существо, которое своим видом больше всего напоминало огромное пресмыкающееся — невероятная помесь скорпиона и ящерицы. Монстр стоял на задних лапах в шаге от Хэтча и ничего не предпринимал.

Затылком дознаватель чувствовал, как хозяйка Олли в ужасе бежит по коридору в свою каморку.

В это время ящер потянулся лапой к шляпе Хэтча и натянул ее ему на глаза. Наступила темнота, которую нарушал прерывистый сиплый звук, больше всего напоминавший смех. Смех не зловещий и не издевательский, но смех ребенка, который сделал невинную пакость и смеется, глядя на плоды своих трудов.

Когда шляпа заняла на голове Хэтча исходное положение, ящеры, сбросив костюмы, прыгали через забор. Преследовать их почему-то не хотелось.

Дознаватель медленно поплелся по коридору к выходу.

— Что там происходит? — спросила Олли.

— Ничего страшного, — сказал Хэтч, пространно махнул рукой. — Они ушли.

— Как — ушли?

Он ничего не ответил, сунул руки в карманы пальто и зашагал обратно к автобусной остановке...

Отрезок времени после этого и до того, как он вернулся в офис, исчез из памяти, как и эпизод с уборкой на столе. Как он ни старался, вспомнить подробности не удавалось. Последнее, что отложилось — допрос в особом управлении.

В задумчивости Хэтч повернулся на стуле и глянул туда, где ожидал увидеть черное небо или низкие облака, подсвеченные желтым светом ночного города. Но за окном шел снег. Густой, крупный и невыносимо тихий.

09.09.2005